

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Кафедра истории Древнего мира и Средних веков

Одесский археологический музей

Национальной академии наук Украины

Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья

Национальной академии наук Украины

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск X

Одесса

ФЛП «А.С. Фридман»

2013

ББК 63.3(237Ук.7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.
Протокол № 6 від 26 лютого 2013 р.

Древнее Причерноморье. Выпуск X / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «А.С. Фридман», 2013. – 654 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов X Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2013 г. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, истории и археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины
ОНУ имени И.И. Мечникова

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор

Избаш-Гоцкан Т.А. – к.и.н., доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ

Руссев Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова)

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины
ОНУ имени И.И. Мечникова

Рецензенты:

Брумяк И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Харьковского
национального университета имени В.Н. Каразина

Издание осуществлено при финансовой помощи Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.

ISBN 978-966-96181-10-9

© Кафедра истории Древнего мира и Средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2013

С.Б. Буйских (Киев, Украина)

МИФО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА В VI-V ВВ. ДО Н.Э.

Современный научный анализ колонизационной практики греков показывает, что перенося в осваиваемые края хорошо знакомую им традиционную материальную и духовную культуру метрополии, в т.ч. язык, письменность, обычаи, обряды, этические нормы и т.д., греки привозили с собой и распространяли на колонизируемых землях также и свои идеологические представления, в том числе разнообразные верования, культы богов и героев¹. Святилища этих божеств и связанные с ними культы, ритуалы, обряды, торжества и праздники, культовые союзы и сообщества играли важную роль в социально-политическом, культурном и духовном становлении новооснованных греческих полисов в Средиземноморье и Причерноморье. Каждый полис для своего полноправного утверждения на новом месте одновременно с непременным разделом земли² обязательно занимался на колонизируемой территории и устройством различных святилищ [Ps. Arist. Oek., I, 2; Cic. De republ. I, XXVI, 41].

Главные черты, которые были присущи всем колониальным святилищам полисов в разных частях греческого мира, состояли в том, что 1) они обязательно основывались на территории полиса; 2) они маркировали границы территории, на которую претендовала новообразованная апойкия; 3) они воспринимались и властями, и гражданами полиса как символ полисного суверенитета и его сакральной защиты. Кроме того, подчеркнем, что все самые известные святилища греческого колониального мира располагались, как правило, не в городах, а в пределах их хоры³.

Многолетние планомерные поисковые работы и археологические исследования в Нижнем Побужье показали, что подобные святилища и система, которую они вместе составляли, существовали в колонизационную эпоху и в районе Ольвии⁴. В ходе этих исследований был установлен факт синхронного основания Ольвии – во второй четверти VI в. до н.э. и начала религиозной деятельности как в ней самой (что было связано с устройством Западного теменоса Аполлона Иетрос), так и во всем прилегающем районе, где в это время возникает и начинает функционировать система взаимосвязанных сакральных зон – колониальных святилищ, которые маркировали границы зарождающегося Ольвийского государства и были призваны защищать его владения и всех его граждан⁵.

В пользу того, что в рассматриваемом регионе существовала именно определенная система святилищ, свидетельствует следующее: 1)

территория распространения сакральных памятников и общие критерии при выборе места каждого из них в структуре Ольвийского полиса; 2) одновременность возникновения и начала функционирования святилищ (что хорошо засвидетельствовано археологически на трех наиболее известных памятниках – Левке, Бейкуше, ольвийском теменосе Аполлона Иетроса); 3) единая цель их появления – организация колонизируемого пространства: каждое святилище брало под божественное покровительство свой участок полисной территории, вместе же они обеспечивали сакральную защиту всех запланированных для заселения земель.

В эту систему, по сути являвшуюся сакральной мифо-географической структурой Ольвийского полиса и маркировавшую его территориальное пространство в архаическую эпоху, входили: *в центре государства* – святилище Аполлона Иетрос (Врача) в Ольвии (рис. 1,2); *на юге* – святилище Ахилла на о-ве Левке (рис. 1,1) и святилище Ахилла на Тендровской косе (рис. 1,4); *на востоке* – святилище Гекаты, Матери Богов, Борисфена и Геракла в Гилее (рис. 1,5) и святилище Деметры на Гипполаевом (Станиславском) мысу (рис. 1,6); *на западе* – святилище Афродиты на Березани (рис. 1,3) и святилище Ахилла на Бейкушском мысу (рис. 1,7); *на севере* – очевидно, святилище Аполлона Борейоса (Северного) (рис. 1,8)⁶.

Как видим, мифическими (сакральными) покровителями территориальных владений Ольвии в VI-V вв. до н.э. выступали Ахилл, Мать Богов, Борисфен, Геракл, Геката, Деметра и Аполлон Борейос при том, что верховным патроном города и полиса в целом был Аполлон Иетрос. Нетрудно заметить, что система святилищ полисных покровителей и защитников полностью охватывала по всем сторонам света границы ольвийской сельской округи и полиса в целом, а сами святилища этих богов и героев располагались в наиболее узловых стратегических точках Нижнего Побужья. По мнению А.С. Русяевой, с самого начала колонизации под эти святилища были отведены наиболее выделяющиеся в окружающем пространстве мысы, находившиеся на пути следования судов греческих колонистов⁷. А.А. Масленников считает, что ольвийские греки "помечали" таким образом свои владения и относительно местных варваров, и относительно других эллинов. Причем этим, по его мнению, "фиксировались важнейшие географические ориентиры побережья"⁸. Не отрицая такой точки зрения, следует все же отметить, что в основе создания мифо-географии и сакральной структуры Ольвийского полиса лежали не просто чисто утилитарные, практические цели, а соображения гораздо более высокого порядка, а именно – идеологические и религиозные.

Рис. 1. Сакральная структура Ольвийского полиса в VI-V вв. до н.э.:

- 1 – Левке (о-в Змеиный); 2 – Ольвия; 3 – Борисфен (о-в Березань);
 4 – Ахиллов Дромос (о-в Тендровская коса); 5 – Гилея (Кинбурнский полуостров);
 6 – Мыс Гипполая (Станиславский мыс); 7 – Бейкуш;
 8 – Святилище Аполлона Борейоса (карта-схема)

Как известно, религия играла значительную роль на всех этапах Великой Греческой колонизации и во всех конкретных регионах Средиземного и Черного морей, которые она охватила⁹. Согласно мифолого-религиозной традиции, впереди колонистов всегда "шествовали" их любимые герои и боги. Сакральное "овладение землями" в период колонизации¹⁰, с одной стороны, упрочивало неотъемлемые права греков на занимаемые территории, с другой – придавало им определенную религиозно-психологическую уверенность перед лицом неизвестности.

Задачи греческого колониального мифотворчества и воплощения создаваемого им идей и образов в сакральную реальность жизни колонистов состояли в том, чтобы оправдать само греческое присутствие в тех или иных регионах, находившихся за пределами (иногда весьма далеко за пределами) их исторической родины, и подтвердить (узаконить)

их неотъемлемое право на вновь приобретенные земли¹¹. Это было характерно для всех частей тогдашнего мира, охваченных Великой Греческой колонизацией¹². Не было исключением и Нижнее Побужье. Религия только что основанного и еще формирующегося Ольвийского полиса в начале VI в. до н.э. была просто обязана идеологически оправдать появление греков в регионе и заселение ими тех обширных земледельческих территорий Нижнего Побужья, где хотя и не было оседлого туземного населения, но в то же время, их никак нельзя было связать и с принадлежностью самим грекам¹³, а связать надо было, и связать аргументировано и оперативно.

Поэтому, именно с этой целью, практически синхронно с основанием Ольвии около 2-й четверти VI в. до н.э., когда возникает теменос Аполлона Иетрос¹⁴, в Нижнем Побужье вдоль границ будущей земледельческой ольвийской округи (и полиса в целом) и осуществляется устройство системы специальных сакральных зон – святилищ, приуроченных различным богам и героям. Эта система святилищ имела своей целью оправдать появление в регионе греков и способствовать их успешному закреплению здесь. В ее задачи входило – очертить конкретный мифо-географический ареал, занять его и отдать под божественный патронат. Этот ареал включал в себя территорию, запланированную ионийскими колонистами для расселения, с учетом перспектив дальнейшего развития поселенческой структуры и использования природных ресурсов региона для стабильного обеспечения жизнедеятельности полиса. В дальнейшем все освоение и развитие греческой колониальной хоры в Нижнем Побужье проходило в пределах промаркированной системой этих святилищ *extra urban* (очевидно, еще при первом поколении колонистов) территории¹⁵.

Существование данной системы подтверждается фактом наличия специальных "богоданных мест" на территории Ольвийского полиса, что следует из известного "письма жреца" середины VI в. до н.э. Как указывает А.С. Русяева, сведения, содержащиеся в письме, о том, что ольвийским "инспектором" регулярно осуществлялся специальный объезд этих сакральных мест, "указывают на организованный характер культов... и наличие государственного контроля над принадлежащими Ольвии святилищами"¹⁶.

Такие действия в масштабах Нижнего Побужья нельзя считать ничем иным, как результатом целенаправленных, заранее спланированных (очевидно, еще в метрополии) и дальновидных мероприятий новооснованного полиса по организации своей религиозной деятельности, созданию религиозно-мифологической подоплеки и сакральной структуры для осваиваемой колонистами территории и ее защиты. Следует подчеркнуть, что наличие пограничных святилищ

являлось одним из важнейших и необходимых звеньев в становлении полисной организации, что наглядно показывает вся колонизационная практика греков¹⁷. И таким образом, ольвийская сакральная система полностью вписывается в практику строительства святилищ различных богов и героев на границах других колониальных полисов, широко распространенную в Средиземноморье¹⁸. Все это вкуче представляет достаточно оснований для того, чтобы отказаться от мнения о стихийном характере колонизации Нижнего Побужья, к которому мы раньше присоединялись¹⁹.

На наш взгляд, продуманная единовременность акта основания, территория охвата, местоположение и характер святилищ никоим образом не могут сочетаться со спонтанностью занятия региона греками. Как представляется, создание системы "богоданных мест", облегчившей ионийским колонистам внедрение в регион Нижнего Побужья и обеспечившей им надежную сакральную защиту для дальнейшего закрепления в нем, не могло быть частной инициативой стихийно перемещавшихся сюда греков, а только сознательным и серьезным мероприятием общественного порядка. В действиях по организации колонизируемого пространства как в мифо-географических и сакрально-охранительных, так и в прямых целях, т.е. аграрного освоения свободных земель – четко прослеживается результат целенаправленных мероприятий новооснованного полиса по претворению идеи о своей государственности в жизнь. И в этом смысле святилища Нижнего Побужья архаического времени и сакральная структура Ольвийского полиса VI-V вв. до н.э. имели те же характерные черты, что были присущи пограничным колониальным святилищам в различных районах греческого мира. Как и во всех других местах, охваченных Великой Греческой колонизацией, они были важнейшим и необходимым структурообразующим элементом полиса и здесь. Эти святилища возникли в регионе одновременно с основанием Ольвии и были своеобразными сакрально-мифологическими и конкретно-территориальными индикаторами пространственной структуры и границ Ольвийского государства в архаическую и, очевидно, последующие эпохи.

¹ Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. – Leiden, 1987. – P.10.

² Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв до н.э. – М., 1982. – С. 123.

³ de Polignac F. Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State. – Chicago-London, 1995. – P. 92.

⁴ Буйских С.Б. Святилища *extra-urban* эпохи грецької колонізації Нижнього Побужья // Археологія. – 2004а. – № 3. – С. 3-14.

⁵ Буйских С.Б. Греческие святилища Нижнего Побужья как сакрально-территориальный символ колонизации региона // БЧ, VIII. – Керчь, 2007. – С. 42-45.

- ⁶ Буйських С.Б. Культурні комплекси, обряди та інвентар Бейкушського святилища Ахілла // Наукові студії. ІКМВ. – Вип. 5. – Львів, 2012. – С. 98.
- ⁷ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – К., 2005. – С. 149-150.
- ⁸ Маслеников А.А. Сельские святилища европейского Боспора. – М., 2007. – С. 524.
- ⁹ Malkin I. Op. cit. – P. 117.
- ¹⁰ Graham A.J. The colonial Expansion of Greece // САН III, pt. 3. Second ed. – Cambridge. – 1982. – 1982. – P. 145.
- ¹¹ Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // ДБ. – 1992. – 2. – С. 150.
- ¹² Malkin I. Op. cit. 117; Graham A.J. Op. cit. – P. 145-146.
- ¹³ Русяева А.С. Священные земли Ольвийского полиса // Цхалтуго-2 (1979). – Тез докл. и сообщений. – Тбилиси, 1979. – С. 68.
- ¹⁴ Русяева А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. – 1986. – № 2. – С. 52.
- ¹⁵ Буйських С.Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // ССПК. – Вип. XV. – Запорожье, 2009. – С. 239.
- ¹⁶ Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. – К., 1990. – С. 59.
- ¹⁷ Bujskih S. Die kolonialen Heiligtümer der archaischen Zeit in Olbia // Pontos Euxeinus. (ZAKS – Bd. 10). – 2006. – S. 265-274.
- ¹⁸ de Polignac F. Op. cit. – P. 417; Malkin I. Op. cit. – P. 183.
- ¹⁹ Крижичкий С.Д., Буйських С.Б. Структура архаїчного поселення Нижнього Побужья // Археологія. – 1988. – Вип. 63. – С. 1-8.

С.А. Булатович (Одесса, Украина)

НАХОДКИ ЛИТЫХ МОНЕТ ИСТРИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРОБЛЕМА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В 1957 г. в серии статей П.О. Карышковского по нумизматике античного Причерноморья была опубликована небольшая заметка, посвященная литым бронзовым монетам, получившим в нумизматической литературе наименование «колесиков»¹. Лицевую сторону этих монет занимает изображение колеса с четырьмя спицами, на оборотной надпись I Σ T. Обращение автора к такой проблематике вполне понятно, если учесть, что эти монеты нередко определялись как ольвийские. Подробно рассмотрев историю изучения литых монет с буквами I Σ T в российской и зарубежной историографии, П.О. Карышковский впервые в советской нумизматике приводит исчерпывающие на тот момент аргументы в пользу истрийского происхождения указанных монет. Одним из таких